

разделениях формировался коллектив специалистов, отрабатывалась технология всех видов обслуживания новой авиационной техники, обеспечения безопасности её полётов.

«Так годами накапливался опыт, совершенствовалось лётное мастерство, покорялась высота» (6, с. 83). Самолёты Ил-18, Ту-104, а впоследствии Ту-154 и Ил-62 написали золотые страницы отечественных «дальнебойных» пассажирских перевозок в послевоенном СССР.

Автор выражает искреннюю благодарность заведующей Музеем гражданской авиации Камчатки Антонине Павловне Кариковой за сотрудничество.

1. Бооль В. В. Без противогаса в магазин не пускали // Новая Камчатская правда : сб. ст. Петропавловск-Камчатский, 2001. С. 90–93.
2. Вести-Камчатка (ГТРК «Камчатка», эфир). 2001. 7 авг.
3. Даниленко В. Ф. Первый реактивный // Камч. правда. 1986. 13 дек.
4. Камчатка во второй половине XX века / отв. ред. П. И. Резников. М. : Молодая гвардия, 2005. 496 с.
5. Кашинцев Б. Камчатка – край перспективный. Петропавловск-Камчатский, 1973. 222 с.
6. Парфёнов С. В. Проверенная высота // Перемены на земле камчатской. Петропавловск-Камчатский, 1971. С. 80–84.
7. Пирагис А. П. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. Петропавловск-Камчатский, 1986. 64 с.
8. Романов Г. Н. Авиация и Камчатка: хроника событий [1914–1986 гг.] // Рыбак Камчатки. 1988. № 87–91.
9. Он же. В учебники не вошло. Петропавловск-Камчатский, 1981. 96 с.
10. Санеев Н. В. Спецрейс Ивана Малякина // Новая Камч. правда. 2000. 26 окт.
11. Трагедия камчатского берега / авт.-сост. С. И. Вахрин. СПб. : Своё изд-во, 2017. 496 с.
12. Чупров В. «...До самых до окраин» // Камч. правда. 1986. 21 дек.
13. Самолеты Ту-104 ОКБ А. Н. Туполева в художественных фильмах // URL: <http://aviahistory.ucoz.ru/index/0-889>

П. Л. Калмыков

КОРАБЛИ-ПРИЗРАКИ НА СТРАЖЕ РОССИИ: ТИХИЙ ОКЕАН, 1854–1855 гг.

Аннотация. Одним из театров Крымской войны (1854–1856 гг.) был Тихий океан. Англо-французским эскадрам ставилась задача уничтожить русский флот. Задачей русских защитников было сохранить корабли от противника, превосходящего числом и вооружением. Агрессоры не преуспели в выполнении своей задачи. Потерпев поражение в Петропавловске в августе-сентябре 1854 г., остальное время англичане и французы провели в «погоне за призраками», пытаясь найти русские корабли там, где их нет, и теряя там, где они были. «Неуловимость» русских кораблей достигалась умелой тактикой командиров и всеобщим героическим напряжением сил. Помимо «призраков» в фигуральном значении слова, рассмотрены и призраки буквальные – т. е. случаи обмана зрения, повлиявшие на ход военных событий.

Ключевые слова: Крымская война, Тихий океан, оборона Петропавловска в августе 1854 г., Россия, Франция, Великобритания, военно-морской флот, история.

Abstract. One of the theatres of the Crimean War operations (1854–1856) was the Pacific Ocean. The Anglo-French squadrons were aimed to destroy the Russian fleet. The purpose of the Russian defenders was to save the ships from the enemies who was much greater in number and weapons. The aggressors were not successful in their undertaking. After defeat in Petropavlovsk in August-September of 1854 the English and French squadron spent the rest of the time “racing the phantoms” and trying to find the Russian vessels where they were not and loosing where they had been. “Subtlety” of the Russian ships was the result of skilled commanders’ tactics and general heroic efforts. Besides “phantoms” in the metaphorical meaning the literal phantoms were considered too – that is optical illusions made an influence on the course of the military events.

Key words: Crimean War, Pacific Ocean, Defense of Petropavlovsk in August of 1854, Russia, France, Great Britain, Russian navy, history.

Заголовок, поясним сразу, не имеет в виду ничего мистического. В море случаются обманы зрения – привидевшийся вдаль парус попадает в записи судовых журналов и даже влияет на ход событий. А в военное время – даже на ход истории. Известны такие призраки и в истории Крымской войны (1854–1856) на Тихом океане. Кроме того, с долей условности можно отнести к «призракам» корабли, ложные известия о которых также сбивали с толку противника.

Русская эскадра на Тихом океане самым своим существованием вредила британской и французской экономике. Во время войны любой фрегат или корвет имел право захватывать в море торговые или китобойные суда неприятельских стран и затем продавать их как законные призы (т. е. трофеи). Такой риск сильно угнетал мореходство, потому главной задачей военному флоту, английскому и французскому, ставилось – найти и уничтожить русские корабли. Но как их найти в необъятном океане?

Вот что писали газеты (прежде всего сан-францисские, затем их материалы перепечатывал весь мир).

«Русский фрегат „Диана”, 50 пушек, прибыл в Гонолулу 13-го (мая). Ожидались и другие тяжёлые русские фрегаты, которые должны были действовать совместно и составили бы сильный флот в случае войны, начало которой предполагалось со дня на день. Известно, что помимо „Дианы” четыре фрегата должны встретиться в Северном Тихом океане, предположительно для перехвата британского и французского торгового судоходства, и, возможно, для высадки десанта на острове Таити. В любом случае будет столкновение грозных сил, в случае, если развяжутся военные действия между европейскими государствами» (1). (Хотя Франция и Великобритания объявили войну России 27-го марта 1854 г., известие об этом достигло отдалённых тихоокеанских берегов с задержкой в несколько месяцев. – П. К.)

«Движения военных кораблей. Ожидалось, что почта с побережья Южной Америки, где сосредоточились французские, английские и русские военные корабли, принесёт новости о морских сражениях. Но таковых не случилось, ибо русские корабли благоразумно покинули эти берега и путь их неизвестен. Очень может быть, они получили инструкции на случай вероятного объявления войны и действовали соответственно. Британский пароход „Virago” принёс в Кальяю новость об официальном объявлении войны 8-го мая. Русский фрегат „Аврора” весьма разумно покинул этот порт 26-го апреля, отправившись своим путём. Британский фрегат „President” пошёл к Сан-Лоренсо 3-го мая. Французский корвет „L'Euridice”, 33 пушки, прибыл в Кальяю 25-го марта. Туда же пришёл французский бриг „Obligado”. В гавани Кальяю находилось одно русское торговое судно» (2).

Адмиралы Прайс и Феврие-Депуант, запоздало пустившиеся в погоню за «Авророй», немало времени потеряли на Маркизских и Гавайских островах, собирая сведения и слухи у морских купцов и китобойцев, также из газет, тоже запоздалых. Удивительно было адмиралу Прайсу прочитать, что, оказывается, он ещё весной захватил два русских фрегата. «Сообщение о захвате двух русских военных кораблей, „Авроры” и „Дианы”, в Тихом океане контр-адмиралом Прайсом, нашим главнокомандующим в тех морях, на кораблях Её Величества „President” (флагманском) и „Trincomalee” <...> тем ближе к вероятности, что посланник Её Величества при дворе Бразилии счёл свидетельство шведского капитана, принесшего новость в Рио-де-Жанейро, достаточно надёжным, чтобы передать его правительству своей страны» (3, р. 12).

«Сан-францисская газета пишет о русской эскадре на Тихом океане:

Целый флот не мог произвести больше волнения на нашем побережье, чем производит российский фрегат „Диана”. Последние две недели почти ежедневно приходили слухи, что вот она вошла в гавань Сан-Франциско с целым караваном призов (т. е. захваченных судов); потом сообщали, что она и английское судно преследовали друг друга от Сан-Диего; и снова предполагалось, что она плывёт в Ситку. С прибытием „Restless” мы узнаем, что она уклонилась от британского фрегата, который следовал за нею из гавани Гонолулу, круто изменила курс и снова вернулась в порт, где, едва получила весть о начале войны, снова подняла паруса. Спустя два дня после её ухода в Гонолулу пришло прекрасное британское судно с полным грузом. К счастью, „Диана” его не повстречала, хотя известно, что она крейсировала близ островов в течение трёх недель по выходе из Гонолулу и имела время наведаться к берегам. Она искала своего компаньона, „Аврору”; а британский фрегат „Rique” специально послан Адмиралтейством перехватить её. Как говорят, „Rique” продолжает преследовать „Диану”, но настичь её будет легче, чем захватить, поскольку „Rique” имеет только 40 пушек, а у „Дианы” их 60» (4).

Сведения о пребывании «Дианы» в Гонолулу в этой заметке верны. Добавим, что английский корабль «Trincomalee», от которого «Диана» уклонилась, чуть позже повстречал в море и «Ав-

рору» (5, р. 8). Но никому рассказать об этой встрече не мог, так как сам спешил к Берингову проливу с грузом снабжения для полярной экспедиции.

«...На Тихом же океане – между прочим, у нас под боком – русские военные корабли вольно резвятся, замечены одновременно там и сям, и, похоже, ни в малой мере не озабочены союзнической погоней. С перемещениями „Дианы” и „Авроры” на Сандвичевых островах наши читатели уже знакомы; сегодня мы узнаем, что другой фрегат 44-х пушек, также корвет „Olleutza”, 22 пушки, вооружённое судно „Камчатка”, 8 пушек, и сторожевой корабль (guarda costa) были в порту Петропавловске, на Камчатке, уже в середине июля. О русской эскадре, которая посетила Японию прошлой осенью и которая вышла из Манилы в марте, якобы в Батавию, не слышно с тех пор. Эскадра та состояла из военного парохода „Восток”, фрегата „Паллада”, корвета „Olivant” и транспорта „Князь Меншиков”. По крайней мере, до 10 июня – дата наших вестей из Батавии – они там не появлялись; как нет подобных сообщений – до середины июля – и с Камчатки, куда, предполагалось, они вернутся. Предполагалось, что они крейсируют в районе Шанхая с целью захватить какие-нибудь из богатых ост-индийцев, торгующих с Китаем. Перечисленные русские суда, а также те, которые замечены там и сям, но не так уж далеко друг от друга, если все они объединятся, то составят огромный флот из одного военного парохода, четырех больших фрегатов, двух корветов и трёх судов поменьше. Чтобы высматривать их, у союзников находятся в Сан-Франциско британский фрегат „Amphitrite” и французский корвет „L’Artemise”; на севере Тихого океана – фрегат „Trincomalee”; а также эскадра, которая вышла из Гонолулу 26-го июля, в составе британского парохода „Virago”, фрегатов „President” и „Pique”, французских фрегатов „L’Eurydice” и „La Forte” и брига „L’Obligado”, вскоре её должен пополнить фрегат „Alceste”; в Китайских морях: флагман „Winchester”, военные пароходы „Barracouta”, „Encounter”, „Rattler”, „Salamander” и „Styx”; военные корабли „Hercules”, „Sybil”, „Spartan” и „Comus”, кроме того военные шлюпы „Bittern”, „Grecian”, „Lily” и „Rapid”; французский пароход „Colbert” и фрегаты „Constantine” и „La Jeanne d’Arc”; итого: 10 фрегатов, 7 пароходов, 4 военных корабля и 6 военных шлюпов, что превосходит численность русских более, чем два к одному. Однако интересы союзников в северной части Тихого океана настолько обширны, что все их военные корабли объединить нереально, в то время как русским ничто не препятствует сплотиться и ударить единой силой» (6).

Внимательно читая эту статью, можно заметить, что журналист два раза посчитал фрегат «Аврора» и дважды корвет «Оливуца» – по причине путаницы с названиями. Поиски русских в Батавии (ныне Джакарта) – это дезинформация, которую намеренно распространял адмирал Е. В. Путятин. Так из ошибок, слухов и домыслов складывался пугающий миф о русской эскадре Е. Путятина. Однако наиболее вероятным средоточием этой эскадры назван порт Петропавловск-на-Камчатке. Туда и направилась, после многих сомнений, англо-французская эскадра из шести кораблей. Из шести, а не двадцати шести, названных в заметке. Нельзя же было оставить без присмотра весь Тихий океан под угрозой русских каперов. Пусть даже призрачных.

30 августа 1854 г. (здесь и далее даты по новому стилю) эскадра из шести кораблей вошла в Авачинскую губу. Первая же разведка на пароходе „Virago” показала, что хотя эскадры адмирала Путятина в Петропавловске нет, но фрегат „Аврора” действительно здесь, а также транспорт „Двина”. В то же время порт не безоружен, вопреки прошлогодней информации Адмиралтейства, и русские решительно настроены обороняться. Хотя силы эскадры много больше. Молодые честолюбивые капитаны рвались в бой; адмирал Дэвид Прайс понимал, что будут потери, крайне нежелательные, за тысячи миль от баз. Уйти без боя невозможно. Был составлен план атаки, предусматривавший последовательно, с минимальным риском, вывести из строя три батареи внешней гавани и затем разбомбить в щепки русский фрегат. Адмирал Прайс внешне не выказывал никаких сомнений в успехе дела, хотя сам не спал несколько ночей. Атака была назначена на утро 31 августа. «С четырёх часов всё и вся были в движении, готовясь к бою» (7, с. 206). «Эскадра на якоре около 2½ миль от города» (8, с. 201). «Он (Прайс) был на палубе с самого утра, с шести часов, и даже забирался на самый топ грот-мачты фрегата „President”, чтобы получше разглядеть неприятельские позиции» (9, с. 222).

Вот уже пароход «Virago» готов принять буксиры трёх фрегатов, чтобы доставить их на огневые позиции. Начнётся сражение – и конец адмиральским сомнениям.

И тут в ход событий вмешался призрак. Свидетельствуют английские участники нападения:

«В 8 утра дозорный заподозрил ПАРУС вне гавани, „Virago” отправилась в разведку» (10, с. 206).

«...Дурацкая задержка заняла большую часть утра» (11, с. 197).

Для адмирала Прайса «парус» в море был не просто дурацкой задержкой, а вспыхнувшей надеждой. Окажись это эскадра адмирала Путятина – тогда всё меняется: нужно выходить из губы и давать сражение в открытом море, победа англичан и французов будет славной и убедительной...

С нашей стороны странное движение парохода подтверждает командир фрегата «Аврора» И. Н. Изъльметьев: «В ½ 9 часа пароход пошёл к выходу в море; с внешнего маяка пущено было в него 3 ядра, на которые пароход отвечал 3 бомбами, разорвавшимися высоко над маяком. В ½ 10 часа пароход воротился в бухту и стал у своих фрегатов на якорь» (12).

Никаких кораблей за воротами Авачинской губы пароход не обнаружил.

Всё это утро адмирал Прайс был на людях. «До полудня... нанёс визит французскому адмиралу и вернулся на свой корабль весьма бодрым» (13, с. 222). «В одиннадцать часов он составил компанию своим офицерам на ленч» (14, с. 238).

Только в полдень движение к бою возобновили. «„Virago“ подошла к левому борту „Pique“, имея „President“ на буксире за кормой, и уже готовилась взять левым бортом французский флагман „Forte“...» (15, с. 201). Капеллан Хоулм пишет: «...В час дня, когда был отдан приказ поднять якорь, я выразил адмиралу свою надежду, что мне сегодня будет нечего делать. Он ответил: „Надеюсь, так, мистер Хоулм“. И быстро добавил: „Разве только вознести благодарение после победы“. Мы все уже были готовы начинать дело, как адмирал спустился вниз и прошёл в корму. <...> ...Спустился в небольшую бортовую каюту, где были его пистолеты, и, приставив один из них к левой части груди, попытался прострелить себе сердце» (16).

Капеллан выразился деликатно: «небольшая бортовая каюта в корме». От других свидетелей мы знаем, что имеется в виду штупец – отхожее место для командира. Перед боем все каютные переборки в батарейной палубе были убраны, образовалось единое пространство от кормы до носа, где спрятаться от взоров было просто некуда. За исключением двух штупцев – туалетных кабинок, вынесенных за пределы корабельного корпуса. На людях адмирал, терзаемый сомнениями и мрачными предвидениями, держался бодро; но оставшись с ними наедине, дал слабину и выстрелил себе в грудь. Он умер в мучениях, физических и душевных, в пять часов пополудни.

Главенство в англо-французской эскадре перешло к адмиралу Феврие-Депуанту; атака на Петропавловск была возобновлена на следующий день, но довести её до победного завершения не удалось. Русские защитники проявили героическую стойкость, в то время как англичане и французы перессорились.

Почудившийся английскому наблюдателю парус – это только случайность. Но не явись этот «призрак», события могли бы пойти иначе. Пароход «Virago» вместо непредвиденной разведки прямо с утра доставил бы фрегаты на позиции, и начался бы бой. Им бы руководил адмирал Прайс, опытный вояка, которого действительно чтили и англичане, и французы... Но это уже «альтернативная история», зыбкая хлябь домислов. Подвиг защитников нельзя отменить.

А может, парус был? Вспоминается случай с ботом № 1. Из рапорта главного командира над Петропавловским портом В. С. Завойко: «...Показался во входе в губу бот наш № 1, под командой боцмана Новограбленнова, и был уже в виду эскадры, но, предупреждённый людьми с Дальнего маяка, ушёл в море и передал известие о неприятельской эскадре встретившейся с ним около Старичкова острова шхуне „Восток“, шедшей в Петропавловский порт с депешами от г. генерал-губернатора Восточной Сибири и с почтою» (17, с. 26).

Подробнее рассказывает командир шхуны «Восток» В. А. Римский-Корсаков:

«...Уже ясно были видны: вход в Авачинскую губу, Маячный мыс и Бабушкин камень, уже я миновал Старичков остров, приготовил вицмундир и строевой рапорт, чтобы явиться к командиру порта, как вдруг на тёмной полосе утёсов Маячного мыса забелел парус, и показалось небольшое судёнышко под русским флагом. Лейтенант Рудановский, служивший уже до того в Камчатке, тотчас же опознал его и объявил, что это бот № 1, под командою боцмана Новограбленного, принадлежащий Петропавловскому порту. Так как я слышал прежде, что командиры порта имели обыкновение высылать шлюпки навстречу военным судам, я в этом не видел ничего удивительного. До этого я ещё ожидал, что, может быть, встречу у входа в Авачу какого-нибудь неприятельского крейсера, но появление бота, по-видимому, вышедшего из губы, окончательно рассеяло мои сомнения на этот счёт, и я немного склонил курс вправо, чтобы поскорее сблизиться. ...Бот... прошёл мне за корму; с него что-то прокричали – послышалось только, что речь идет о неизвестных судах. <...> Я посмотрел в бухту – над нею шла в то время дождевая туча, и всё там было прикрито пасмурностью. Предостережения с бота № 1 было, однако ж, достаточно, чтобы поспешить всеми мерами назад. Я спросил Новограбленного, что он собирается делать; он отвечал, что хочет укрыться в Жировой

бухте, ему известной. Я посмотрел на карту... небольшая бухточка при входе в Вилюченскую губу, защищённая огромным рифом... <...> Я должен был ожидать с минуты на минуту, что выскочит неприятельский пароход за мной в погоню, а я, не имея силы отразить нападение, имел дорогой груз – почту и, следовательно, не должен был ни одной минутой рисковать. Вырвав из записной книжки листок, я наскоро написал камчатскому военному губернатору, что я, будучи так и так уведомлён о присутствии под Петропавловском неприятеля, спешу в Большерецк и прошу его выслать туда кого-нибудь берегом для приёма почты и депеш» (18, с. 350).

Боцман Новограбленный, спасший от захвата и свой бот, и шхуну «Восток», был награждён офицерским званием (19, с. 64).

(Бот № 1 был построен в 1852 г. по приказу В. С. Завойко в устье р. Камчатки из лиственницы. Имел водоизмещение 42 т, длину 13,6 м, ширину 5,12 м. В апреле 1855 г. перешёл через Охотское море в залив Де-Кастри и впоследствии продолжал службу в Сибирской флотилии. В 1864 г. переименован, получив название «Куегда». Исключён из списков судов Сибирской флотилии 26 ноября 1879 г.)

Но нет: парус-призрак, погубивший адмирала Прайса, не мог принадлежать боту № 1, поскольку бот пришёл к Авачинской губе неделей позже – вечером 7 сентября. На этот раз парус был самый настоящий, но англичане и французы его не заметили. В тот день они хоронили в Тарьинской бухте своих убитых.

Наибольшее число русских «призраков» можно найти в донесении французского контр-адмирала Феврие-Депуанта министру военно-морского флота и колоний: «Эскадра русского адмирала Путятина, состоящая из нескольких фрегатов, 9 корветов, несущая около 300 орудий, укрылась в порту [Петропавловске] и не думала выйти в море, чтобы дать сражение» (20). Эти «призраки» родились в расстроенном сознании французского командующего, физическое и психическое здоровье которого быстро ухудшалось, особенно после петропавловского поражения. Он умер 5 марта 1855 г.

На замену выбывшим адмиралам из Англии и Франции прислали новых, и вновь направили к берегам Камчатки эскадру, усилив её пароходами Китайской эскадры и линейным кораблём «Mopach». Они спешили, чтобы застать русские суда, скованные льдами в Авачинской губе. Но начальство предполагает, а океан располагает. 13 апреля на место сбора (50° с. ш., 160° в. д., это в 320 км к юго-востоку от Петропавловска) пришли из Китая пароходы «Barracouta» и «Encounter» (21, р. 86). Три дня спустя, 16 апреля, из Авачинской губы вышли транспорты «Иртыш» и «Байкал», а 18 апреля корвет «Оливуца» и фрегат «Аврора». Все русские суда были сверх меры нагружены людьми и имуществом, казённым и частным, и практически небоеспособны. Мало-помалу русский караван миновал британские крейсеры, не заметив их, и сам оставшись незамеченным. Более того, и «Аврора» с «Оливуцей» потеряли друг друга в тумане. Мичман с «Авроры» Николай О'Рурк пишет в своём дневнике 27 апреля: «В 4 часа утра показались Курильские острова. К вечеру туман скрыл их от нас, а ночью мы были в Охотском море. Под утро задул попутный, но свежий ветер, пошёл снег, град и дождь. Огни Св. Эльма на концах всех мачт» (22, с. 163).

Только 20 мая в Авачинскую губу вошла англо-французская эскадра. И нашла город пустым: ни русских кораблей, ни пушек на батареях, ни людей. Не состоялась месть за прошлогоднее поражение, не выполнена и главная задача – уничтожить корабли.

Но не весь британский флот сосредоточился в Петропавловске. В тот же самый день, 20 мая 1855 г., удача улыбнулась англичанам на другом краю моря, где коммодор Эллиот тремя кораблями обшаривал закоулки Татарского залива, отделявшего от материка полуостров Сахалин. Мы-то теперь знаем, что Сахалин – остров, а Татарский – не залив, а пролив, но англичане и французы имели в распоряжении только карты Лаперуза, который в своё время пролива не нашёл. Но Лаперуз открыл на материковом побережье залив, который назвал Де-Кастри, в честь морского министра (ныне залив Чихачёва).

13 мая в залив Де-Кастри вошёл фрегат «Аврора». Здесь уже находились транспорты «Двина», «Иртыш» и корвет «Оливуца», на котором держал флаг контр-адмирал Завойко. 17 мая пришёл транспорт «Байкал». Что делала эта эскадра в незащищённом заливе? Ждала погоды. Со дня на день должны были вскрыться льды, преграждавшие путь в Амурский лиман и в Николаевск, куда и переезжал наш главный порт. Рапортует В. С. Завойко: «По мере прибытия судов свозились на берег больные, кантонисты, штурманские ученики и пассажиры, в числе коих было много женщин и детей (236 человек), а также почта и Казначейства, Морское и Гражданское, для отправки в Кизи. В то же время посланы туда люди для обработки огородов для 47-го Флотского Экипажа. <...> Полагая, что неприятель не упустит случая послать крейсеров в Татарский пролив, <...> я держал эскадру

постоянно в готовности к бою, а 7-го числа [т. е. 19-го] отдал приказ, чтобы в случае нападения – корвет „Оливуца”, фрегат „Аврора” и 10-пушечный транспорт „Двина” выпускали цепи и становились на назначенные места, которые выбраны около отмелей, дабы неприятель не имел возможности обойти их; транспортам „Иртыш” и „Байкал” велено стать сколь возможно ближе к берегу, принять бой, если неприятель нападет на гребных судах; в случае же нападения на оные парохода и других судов, во избежание бесполезной траты людей, суда зажечь, команды с оружием свезти на берег и поставить под ружьё вне пушечных выстрелов. На другой день неприятель показался» (23, с. 177).

Слово англичанам. «Коммодор Эллиот, <...> имея под началом фрегат „Sybille”, 40; бриг „Bittern”, 12; и винтовой пароход „Hornet”, 17 пушек, <...> отправился для обследования Татарского залива. Утром 20 мая, во время воскресного богослужения, с брига „Bittern” подан сигнал „Вижу неприятеля”. Три корабля заняли позицию против залива Де-Кастри. Русские силы составляли суда: „Аврора”, 44 пушки; „Двина”, 22, „Олтеница” [т. е. „Оливуца”], 20; „Камчатка”, 8; бригантина, 3 и винтовой пароход „Восток”, 5 – итого шесть судов, несущих 102 пушки. Вдобавок, позиции их были очень сильны, так что великим риском было бы атаковать их нашими тремя кораблями с 69 орудиями. Тем не менее, мы сделали всё возможное, чтобы выманить неприятеля из залива для сражения; „Hornet” подошёл к ним достаточно близко, чтобы дать выстрел-другой, но всё без пользы» (24, р. 403).

(Заметим, что паровая шхуна «Восток» в это время лежала на берегу, в Петровском зимовье, на севере Сахалина. Судно «Камчатка» Российско-Американской компании пережидало войну в Сан-Франциско.)

Возвращаемся к рапорту В. С. Завойко. «8 числа [т. е. 20 мая] в 7 часов утра, по прочищении тумана, увидели идущие в Де-Кастри три неприятельские судна: большой фрегат, по-видимому, 60-пушечный, винтовой 12-пушечный корвет и бриг. Рассмотрен английский флаг. Согласно приказу, фрегат „Аврора”, флагманский корвет „Оливуца” и транспорт „Двина”, по сигналу „изготовиться к бою”, выпустили цепи и стали на якорь по диспозиции. На всех мачтах подняты флаги. С фрегата и корвета спущены на воду ростры для удобнейшего действия артиллериею. Неприятельский фрегат и бриг держались под парусами у мыса Клостер-Камп, а винтовой корвет делал промеры за островом Обсерватории и далее, и в $\frac{3}{4}$ 7-го часа пополудни, выйдя из-за северной его оконечности и будучи закрыт островом от выстрелов нашего фрегата и транспорта, открыл огонь по корвету „Оливуца”, который отвечал немедленно. Английский корвет дал задний ход и скрылся за островом, потом вскоре опять показался, пустил в „Оливуцу” ядро, и лишь только наш корвет ответил, как неприятельский корвет вновь дал задний ход, поднялся мористее и в виду нашей эскадры, но вне её выстрелов, присоединился к своей эскадре; в 9 часов она скрылась за мысом. Корвет „Оливуца” не получил никаких повреждений, убитых и раненых не было. Во время действия корветов на транспорте „Двина” раздавались песни, которые неприятель, вероятно, слышал. Между тем, в этот же день с фрегата „Аврора” дано знать, что с салингов кроме трёх виденных нами судов замечено за мысом Клостер-Камп ещё три судна, но какие – неизвестно» (25).

Вот вам и призраки. Причём с обеих сторон. Англичане насчитали в заливе шесть русских боевых судов, из которых один пароход. Как уже сказано, парохода здесь не было. Фрегат – да, корвет – да; но транспорт «Двина» с 10-ю пушками (а не с 22-мя!) был англичанам никакой не конкурент, а безоружные транспорты «Иртыш» и «Байкал» и вовсе были убраны назад, чтобы не мешались. Похоже на то, что кандидатуры в список «опознанных» русских судов англичане выбирали из прошлогодней газетной статьи, цитированной выше.

Мичман «Авроры» Н. Фесун в своих записках глумится над ошибкой англичан. «Если в обыкновенные зрительные трубы мы, с фрегата, могли различить всех офицеров корвета (т. е. парохода „Hornet”) при входе его в залив, то неужели с этого судна нельзя было видеть на берегу орудия? Неужели же возможно было смешать небольшие загруженные транспорты с военными судами и камбузную трубу на транспорте „Двина” с трубой настоящего парохода?» (26).

Но ведь и русские наблюдатели видели позади английской эскадры «три других судна»! И видели их не только с салингов «Авроры», но ещё раньше с берега, с мыса Клостер-Камп, как признает Фесун. «И хотя впоследствии оказалось, что известие ошибочно, но как в то время мы не имели причин сомневаться в нём, то положение эскадры, и без того критическое, делалось просто безвыходным» (27).

Таким образом, русская сторона видела силовой перевес англичан и удивлялась, отчего же те не атакуют. Англичанам чудился перевес русских кораблей. Если английские призраки только подхлестнули оборонительные приготовления русских и решимость держаться насмерть, то русские

призраки удержали английского коммодора Эллиота от решительной атаки. Геройство показалось коммодору тем более неуместным, что глубины залива Де-Кастри не перемерялись со времён Лаперуза, а надёжные фарватеры были перегорожены русскими кораблями. Любая мель могла стать гибельной. Но, с другой стороны, рассуждал коммодор, русские пойманы в ловушку, откуда им выхода нет, поскольку Татарский залив на севере заканчивается слепо, а с юга блокирован кораблями Эллиота. Притом всего в шести днях плавания, в японском порту Хакодате, стоит эскадра адмирала Стирлинга. Её мощь уж точно уничтожит русские корабли.

«Наутро 23 мая „Bittern” был откомандирован в Хакодате – найти адмирала и просить немедленного подкрепления. <...> 3 июня сэр Джеймс Стирлинг вышел из Сангарского пролива на помощь коммодору с кораблями „Winchester”, 50 (пушек); „Spartan”, 26 и „Bittern”. Но к несчастью, при встрече с коммодором в проливе Лаперуза узнал лишь то, что русские ухитрились ускользнуть, пока тот отлучался от залива Де-Кастри в промежутке между 22 и 28 мая. Куда девались русские, коммодор не знал, но был уверен, что они ушли через фарватер в верхушке Татарского залива и далее в реку Амур, где у них, по сведениям, имеются большие поселения. <...> 27 числа (июня, с приходом подкрепления) коммодор Эллиот был отправлен на „Hornet” в залив Де-Кастри, нашёл его пустым, прошёл миль восемь-десять к северу, перешёл к сахалинскому берегу и вернулся к адмиралу Стирлингу утром 29-го. Коммодор доложил, что хотя обследование было несовершенно, но из того, что они видели, пригодного для судов прохода не было» (28).

Для английских судов прохода не было, а для русской эскадры фарватер был. 4 июня на русскую эскадру прибыл контр-адмирал Г. И. Невельской. Открыватель этого фарватера и знаток навигации в Амурском лимане, он ознакомил начальника Камчатской эскадры с местными условиями. В тот же день вернулся мичман Овсянкин, ранее посланный к мысу Лазарева на вельботе; мичман сообщил, что лёд у мыса Лазарева накануне вскрылся. Военный совет из командиров судов решил сниматься с якоря немедленно. И хотя Овсянкин видел за мысом Кластер-Камп неприятельский пароход, это не отменило решения: В. С. Завойко был уверен, что и в открытом море петропавловцы сумеют отразить неприятеля не хуже, чем в Камчатке (29, с. 103).

Густой туман и противный (т. е. встречный) ветер позволили выйти из залива не ранее полуночи. Вскоре были пройдены первые два бара (песчаные отмели), а дальше предстояли многие и многие трудности. С «Авроры» снимали на мелкосидящие суда грузы, пушки, рангоут, включая две мачты; мускульной силой матросов волокли корабль через бары. На это ушло больше двух месяцев – только 30 июля фрегат отдал якорь на Николаевском рейде.

Коммодора Эллиота атаковала своя же английская пресса. «Британский флаг был позорно унижен (miserably degraded), обесчещен. По всему явствует, что русская эскадра, оказавшаяся несравненно слабее эскадры, бывшей под начальством коммодора Эллиота, была с умыслом выпущена из залива Де-Кастри. <...> Между тем, неприятельская эскадра цела и может в любое время выйти из Амура и броситься на наши богато нагруженные суда! Мы надеемся, что эти слова не ускользнут от внимания независимых и самостоятельных членов Парламента старых времен, и что сэр Джеймс Стирлинг и Коммодор Эллиот будут отозваны и подвергнуты военному суду», – взывала «United Service Gazette» (30).

Шумиха была такая, что случай стал предметом прений в заседании Нижнего Парламента 5 февраля 1856 г., и ответ за коммодора Эллиота и адмирала Стирлинга держал сам первый лорд Адмиралтейства сэр Чарльз Вуд, давая авторитетные разъяснения по каждой фразе рапорта. Эллиот был оправдан (31).

Французский историк Леон Герен, оценив оборону Петропавловска как, «безусловно, очень стойкую и достойную чести», о дальнейших событиях высказался так: «С тех пор главная заслуга русских в Тихом океане, в Японском море, Китае и на Камчатке состояла в том, чтобы избежать боя и искусно скрывать след своей эскадры, так, чтобы вызвать сомнения, существует ли таковая вообще» (32, р. 202).

Фраза о сомнениях в существовании – это самоутешение: мол, зелен виноград, которого зуб неёмёт. Коммодор Эллиот видел русские корабли и глазам своим верил. Что же касается нежелания русских вступать в столкновения – это верно. Ради боя пришли в российские моря англичане и французы, а задачей наших адмиралов было сохранить эскадру. Наша задача была выполнена, а неприятельская закончилась ничем. Для них это была война с призраками.

Но, разумеется, не призраки несли на плечах все тяготы этой войны, возводили батареи, волокли корабли, прокладывали дороги, строили поселения. Крымская война в целом считается поражением России, но на Дальнем Востоке она увенчалась присоединением огромного Приамурья.

1. The New York Times. 1854. July 11.
2. Daily Alta California. 1854. June 15.
3. The Times. London. 1854. July 17. P. 12. Опровержение: Там же, P. 9.
4. Там же. Sept. 25.
5. Там же. Nov. 10. P. 8.
6. Там же. Oct. 10.
7. *Калмыков П. Л.* «Консилиум» англо-французской эскадры // На перекрестке континентов : мат. XXXI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 194–210.
8. Там же. С. 201.
9. *Завражный Ю. Ю.* Забыть адмирала! : ист. расследование с размышлениями. Петропавловск-Камчатский, 2005. С. 220–225.
10. *Калмыков П. Л.* Указ. соч. С. 206.
11. *Завражный Ю. Ю.* Указ. соч. С. 197.
12. На волне памяти. О Петропавловской обороне 1854 г. : сб. воспоминаний, ст., писем и офиц. док. / авт.-сост. Н. С. Киселева. Изд. 2-е. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2010. С. 187–207.
13. *Завражный Ю. Ю.* Указ. соч. С. 222.
14. Там же. С. 238.
15. *Калмыков П. Л.* Указ. соч. С. 201.
16. *Lewis, Michael.* An eye-witness at Petropaulovski, 1854 // *Mariner's Mirror*, vol. 49. 1963. no. 4. P. 265–272.
17. Рапорт Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта генерал-майора В. С. Завойко от 1854 г. сентября 7 // Защитники Отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. : сб. офиц. док., воспоминаний, ст. и писем. Петропавловск-Камчатский, 1989. С. 26.
18. *Римский-Корсаков В. А.* Балтика – Амур: повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980. 445 с.
19. *Кусков В. П.* Камчатские были. Петропавловск-Камчатский, 1970. 111 с.
20. Le ministre de la marine et des colonies a reçu des dépêches de M. le contre-amiral Febvrier des Pointes, en date de Kamtchatka, des 31 août et 4 septembre // *Journal de Toulouse*, nov. 28. 1854.
21. *Tronson John M.* Personal narrative of a voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary, and various parts of coast of China. 1859. P. 86.
22. *О'Рурк Н. М.* Записки участника кругосветного плавания фрегата «Аврора» : [1853–1857 гг.]. СПб., 2011. 320 с.
23. О плавании в Восточном океане Генерал-адъютанта Путятина и контр-адмирала Завойки // Мор. сб. 1856. Янв. С. 177.
24. The Allied Fleets in the Pacific // *Illustrated London News*. oct. 6. 1855. P. 403.
25. О плавании в Восточном океане...
26. *Фесун Н. А.* Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора». (Часть 2. Зимовка в Петропавловске и перенос порта на Амур.) // Мор. сб. 1860. Т. XLVII. Июль. С. 69–71.
27. Там же.
28. The Allied Fleets in the Pacific.
29. *Ильяшевич Л. В.* Русский флот на Восточном поморье в 1849–1856 гг. // Мор. сб. 1876. № 7. С. 103.
30. Морской сборник. 1856. Фев. С. 109–112.
31. Там же. С. 178–185.
32. *Guérin, Léon.* Histoire de la dernière guerre de Russie (1853–1856)... Tome 1. 1858 P. 202.

С. А. Корсун

И. Е. ВЕНИАМИНОВ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности И. Е. Вениаминова (митрополита Московского и Коломенского Иннокентия) во время его пребывания в Русской Америке с 1824 по 1853 г. И. Е. Вениаминов внес большой вклад в изучение лингвистики и этнографии алеутов, кадьякцев и тлинкитов. Его фундаментальная работа «Записки об островах Уналашкинского отдела» до наших дней является основной работой по этнографии алеутов – одного из малочисленных коренных народов Севера, который в настоящее время проживает на территории как США, так и России. Другая работа И. Е. Вениаминова «Опыт грамматики алеутско-лисейского языка» стала основой для последующих исследований по лингвистике алеутов.